

Козлов Денис Сергеевич

РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРЕВЕНТИВНЫЕ МЕРЫ

В статье анализируются современный российский радикализм и политический экстремизм. Правящая политическая элита периодически осуществляет ряд мер для противодействия политическому экстремизму, однако идеологический вакуум, непродуманная национальная политика и раздутый бюрократический аппарат сводят эффективность этих мер к минимуму. Автором даётся оценка политического экстремизма как социального и философского явления в современной политической жизни страны. Сами же экстремистские проявления характеризуются как одно из проявлений общесистемного кризиса сложившейся политической модели, сформировавшегося в ходе псевдолиберальных реформ. Решением сложившейся опасной для государства ситуации видится духовное и культурное восстановление имеющих многовековую историю государственных традиций России.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/6-1/27.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (56): в 2-х ч. Ч. I. С. 93-97. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

4. Дугин А. Г. Международные отношения. М.: Академический проект, 2013. 348 с.
5. Ковальчук М. К. Эволюция японского экспансионизма в Корею в 60-90-х гг. XIX в.: монография. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2005. 248 с.
6. Макарыч О. И. Американо-японское соперничество на Дальнем Востоке (1906-1913 гг.). М.: Изд-во МГОУ, 2008. 284 с.
7. Молодяков В. Э. Несостоявшаяся ось: Берлин – Москва – Токио. М.: Вече, 2004. 480 с.
8. Молодяков В. Э. Россия и Япония в поисках согласия (1905-1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. М.: АИРО-XXI, 2012. 656 с.
9. Молодяков В. Э. Россия и Япония: поверх барьеров: неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899-1929). М.: АСТ; Астрель, 2005. 369 с.
10. Молодяков В. Э. Япония в меняющемся мире. Идеология. История. Имидж. М.: МОНОГАТАРИ, 2011. 304 с.
11. Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века). М.: Институт русской цивилизации, 2010. 668 с.
12. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum eurgaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. 670 с.

JAPAN: EVOLUTION OF GEOPOLITICAL SUBJECTNESS

Kovaleva Anastasiya Olegovna
Lomonosov Moscow State University
ndm-88@mail.ru

The article gives the analysis of the geopolitical subjectness of Japan from 1868 up to our day. The notion of “geopolitical subjectness” is disclosed presenting the ability of the state to perform significant activity in relation to the occupied territory and neighboring territories. From being a closed country Japan becomes a subject of the world politics spreading its expansion to the territories of Korea and China. In alliance with Great Britain Japan opposes Russia. After the deterioration of relations with the USA Japan refocuses first on Russia, and then on Germany. After defeat in the World War II Japan factually loses its geopolitical subjectness. The author examines how Japan’s geopolitical subjectness changed basing on such fundamental notions of geopolitics as “expansion”, “Atlanticism”, “Eurasianism” and others.

Key words and phrases: geopolitics; geostrategy; geopolitical subjectness; territory; Japan; expansion; subject of the world politics; object of the world politics; global power; regional power; state; Asia-Pacific Region; Atlanticism; Eurasianism.

УДК 1; 14:140.8

Философские науки

В статье анализируются современный российский радикализм и политический экстремизм. Правящая политическая элита периодически осуществляет ряд мер для противодействия политическому экстремизму, однако идеологический вакуум, непродуманная национальная политика и раздутый бюрократический аппарат сводят эффективность этих мер к минимуму. Автором даётся оценка политического экстремизма как социального и философского явления в современной политической жизни страны. Сами же экстремистские проявления характеризуются как одно из проявлений общесистемного кризиса сложившейся политической модели, сформировавшегося в ходе псевдолиберальных реформ. Решением сложившейся опасной для государства ситуации видится духовное и культурное восстановление имеющих многовековую историю государственных традиций России.

Ключевые слова и фразы: политический экстремизм; тенденции развития; политический режим; государственная политика; угроза безопасности; власть; идеология.

Козлов Денис Сергеевич

Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева
dennnys@mail.ru

РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРЕВЕНТИВНЫЕ МЕРЫ[©]

Парадигма развития России на протяжении всей её истории была обусловлена географическими, экономическими, социальными и демографическими факторами. Именно благодаря этим факторам появились: централизованное управление, раздутый бюрократический аппарат, репрессивные структуры и «всесильные» вооруженные ведомства, а практически любая гражданская активность стала ставиться в противовес стабильности, рассматривалась как потенциальная угроза. Слабость социальных страт нашего общества, обусловленная разобщенностью, искусственно компенсировалась централизацией государственного аппарата и укрепляющейся линейной иерархичностью.

Исторической особенностью власти в России всегда было стремление оградить народное большинство от правления, а основные функции разработки, принятия и воплощения значимых политических решений сосредоточить в среде «близких государю» людей. Подавление ещё в зародыше большинства точек роста духовного развития, зарождения гражданского общества – ещё одна негативнейшая, на взгляд автора, особенность

российской государственности. При этом уничижительное отношение к народным массам, отсылки к ленности и «плохому» менталитету часто присущи власти. Народ же, отдаленный настолько, насколько это можно, от своей собственной судьбы, довольно снисходительно и часто с воодушевлением принимал такие формы протеста как смута и бунт. Естественно, подобная государственная политика способствовала не только зарождению, но и эволюции политического протеста, особенно экстремистских форм, которые за столетия крепко осели в головах своеобразной ментальностью [10, с. 20-21].

Радикальные мифологемы и связанные с ними вооруженное насилие, социальная и экономическая нетерпимость быстро впитывались политическим сознанием обширных слоев общества. Именно это послужило своеобразным вектором для распространения конфронтационно-мобилизационной модели, в которую легко вписывалась непримиримая модель гражданских войн, главной целью и единственно возможным итогом которой было физическое уничтожение врага. Двустороннее противостояние, «глупый темный народ» против «божественной, прогрессивной власти», закрепилось на просторах политической истории России.

Уничтожить власть, ликвидировать старые госинституты, политическую элиту, чиновничий и бюрократический аппарат – вот столпы, против которых в большинстве случаев был направлен разрушительный народный мятеж. Причем, даже бюрократическому аппарату раскаяние в грехах и желание служить новой власти не давали прощения. Подобное наблюдалось после взятия власти большевиками, которые предпочли с большими трудностями и жертвами налаживать свою систему кадров, причём практически во всех областях: от инженеров, силовых структур до госуправления, быстро отбрасывая и отбраковывая лояльных большевикам дореволюционных сотрудников и работников. Естественным для новых сотрудников было отсутствие цельной корпоративной культуры, целевой компетенции – всё это лишь малая часть издержек кадровой революции. К сожалению, к тому моменту, когда советские военачальники путём проб, ошибок и ценой миллионов жизней научились побеждать, ученые отправили человека в космос и освоили ядерный синтез. Сама же правящая верхушка подверглась деградации, поэтому колоссальные жертвы не окупились в полной мере.

Для российского экстремизма, вплоть до конца XX века, национальная и религиозная нетерпимость были не характерны либо слабо выражены, в отличие от европейского. В предреволюционные годы лишь «Черная сотня» и погромы, проводимые ей в отношении еврейского населения, можно отнести к экстремизму на национальной почве. При этом погромы были лишь в европейской части России, имели ситуативный характер и чаще всего социальные и экономические причины, катализированные именно государством, приводили к ним [15, с. 275-276]. Стихийный же экстремизм – целенаправленное устранение гражданских лиц по мотивам политической ненависти, например, массовый расстрел, устроенный Андерсом Брейвиком в Норвегии, – также для России явление новое [14, с. 400].

Политическому терроризму в России, его классическому виду, во второй половине XIX – начале XX века представленному народовольцами, а затем социалистами-революционерами, было характерно уничтожение наиболее активных и реакционных для политической оппозиции фигур.

В Советском Союзе же экстремисты были чаще всего-навсего сепаратистами с зарубежной поддержкой, например, «Организация украинских националистов» и прибалтийские «Лесные братья». Без поддержки от местного населения и без связи с зарубежным центром к концу 50-х гг. XX в. данные организации были ликвидированы.

Развал СССР и вместе с ним биполярной системы дал толчок развитию целого ряда феноменов, которые вместе поспособствовали стремительному становлению целого ряда новых экстремистских движений. Начиная с 90-х гг. XX в., политический терроризм стал не просто международным явлением (интернациональный состав террористических группировок), а по-новому трансграничным, не привязанным к определенным государствам и территориям [11, с. 214-215]. Отчасти слабость легитимного регулятора межнациональных и международных процессов и послужила катализатором появления региональных серых зон, которые стали впоследствии для террористов опорным пунктом. Сегодняшний мировой порядок возникает из принципа ограниченного суверенитета и проницаемости границ для большинства участников мирового процесса за исключением, разумеется, США и находящихся под их патронажем стран. Война в Сирии и Ливии показала, как оптимально использовать военизированные экстремистские группировки, существующие по сетевому принципу, для борьбы с потенциальными мятежниками [12, с. 68].

В «Арабской весне» раскрылись все плюсы борьбы со светскими политическими режимами посредством сетевых международных террористических организаций. Принцип вовсе не нов и применялся «Аль-Каидой». В России же системе политической безопасности необходимо выстраиваться, исходя и опираясь на в корне новое понимание природы политического экстремизма в современном мировом сообществе, его стратегии и задачи, структуры, однако в должной мере у нас эти составляющие учитываются редко [13, с. 19].

В латинском и современных романо-германских языках слово *extrem* имеет значение чрезвычайности, противоположности, крайнего противоречия [3, с. 1395].

Как терминологическая категория, политический экстремизм включает множество определений, особенно в политической науке, тому есть объяснение – большая политизированность этого вопроса. В российском законодательстве закрепился правоведаческий подход, он исходил из расширительного толкования экстремизма, давая место на подведение под эту категорию практически любой оппозиции и её деятельности.

Экстремизм и экстремистская деятельность для российского законодательства понятия тождественные. Авторы Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» понимают его как угрожающую личности, власти и обществу политическую активность, к слову, её тринадцать видов, от попыток нарушения целостности РФ и изменения при помощи насилия основ конституционного строя до публичного и ложного обвинения лица, занимающего госдолжность в РФ [8, с. 346].

Такой термин как радикализм в правовом поле России пока не утвердился, хотя и упоминается в нескольких документах, например, в «Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года». В политической публицистике и политической науке радикализму сопутствует понятие «экстремизм», они считаются явлениями одного порядка. Однако *radix*, термин, означающий в переводе с латыни «корень», несёт несколько иную смысловую нагрузку. То есть под радикализмом понимается направленность человека на преобразование в той или иной сфере общества окружающей его действительности, преобразование, соответственно, коренное.

Выводя понятия политического радикализма и экстремизма, нужно переводить определения не только на категории типа «политический режим», «властные отношения», «политика внутренняя и внешняя», но и на взаимосвязь и зависимость гражданского общества и госаппарата. Экстремист демонстрирует крайнюю оппозицию правящему политическому режиму, показывает свою решимость в его разрушении всеми способами, в свою очередь, для радикала обоснование в теории необходимости уничтожения или революционного изменения данного режима часто становится апогеем деятельности, так и не дойдя до конкретных мер. В этой связи, радикализм выступает как идея, набор воззрений, теорий, которые должны быть непременно воплощены в жизнь, а экстремизм же является сам по себе действием (физическим или информационно-пропагандистским). Сходство радикализма и экстремизма проявляется в той части, которая указывает на отрицание существующей политики властных структур [6, с. 45].

Политическая идея радикального характера может самостоятельно существовать в виде теории утопического содержания, без связи с политической практикой. Либо же быть востребованной некоторыми социальными слоями, в особенности, их наиболее активными представителями, требующими трансформации политической реальности, именно в этом случае она уже предстает в виде экстремистской идеологии [9, с. 245].

В узком конкретном смысле политический экстремизм представляет собой деятельность личностей, руководимых радикальной идеологией определенных индивидов и социальных групп, ставящих своей целью дестабилизировать правящий политический режим, чтобы уничтожить существующую политическую систему с дальнейшим изменением вектора культурного, экономического и социального развития. Идеология является ресурсом и самым сердцем социальной базы и ядром развития для экстремистских организаций и движений [7, с. 76].

Критерием разделения экстремизма по его основным видам: правый, левый, религиозный, националистический, является соответственно идеология. Под воздействием же исторических обстоятельств нередко происходит взаимопроникновение идеологий плюс возникновение спонтанного экстремизма.

Неспособность на современном этапе светских режимов противостоять технологиям дестабилизации, которые используют ведущие мировые политические акторы, показала «Арабская весна». Мобильность финансовых и информационных потоков плюс качественное превосходство в военно-техническом плане позволили Западу и его восточным сателлитам успешно решить задачи, которые составляют содержание так называемой «цветной революции»:

- создание и поддержание на протяжении долгого времени гражданской войны на всей территории вовлекаемого в революцию, дестабилизируемого субъекта;
- полная изоляция на международной арене политического режима, подвергшегося дестабилизации;
- привлечение своих военных ресурсов для тактической и стратегической победы над вооруженными силами свергаемого режима;
- окончательное закрепление у руля подконтрольных или лояльных политических сил.

Для сегодняшней российской государственности важнейшая задача – создание системы для противодействия экстремистским группировкам международного и тем более национального уровня, потому как они являются одним из системных элементов новейших способов и технологий свержения светских политических режимов [5, с. 83].

Наша страна в большой степени уязвима для проникновения международных экстремистских групп, причем на нескольких направлениях: Кавказ и Средняя Азия. Салафитские структуры сегодня часто выхватывают пальму первенства в управлении уммой не только в национальных регионах, но и в диаспорах крупных городов. Иностранцы экстремисты в объединении с антигосударственными силами внутри страны вполне способны подтолкнуть общество к гражданской войне, ну а дальше схожий для многих стран сценарий: гуманитарная катастрофа и самая печальная перспектива – возможное ограничение суверенитета страны.

Развал и упадок российского государственного управления, его растущая неэффективность, неграмотность управленческих кадров в регионах, часто представленных всемогущими, коррумпированными «князьями», решающими чаще проблемы собственного обогащения, упадок русского как государствообразующего народа, падение уровня духовной культуры, олигархический характер российской экономики, непродуманная национальная политика, особенно в национальных республиках, вкупе с ростом национального самосознания малых народов только способствуют обострению угрозы. И хотя правящая элита национальных республик всячески демонстрирует лояльность режиму, события недавних лет, в особенности на Ближнем Востоке, обнажили наиболее болезненные точки, а именно – насколько быстро способен прогрессировать экстремизм в исконно мусульманских регионах. Пожалуй, главная проблема в том, что договорным отношениям, основанным на финансах сегодняшней кремлёвской власти, абсолютно нечего противопоставить развивающимся фундаменталистским движениям. Всё большие фактические уступки взамен лояльности местных элит оголяют кризис федеративной модели, точнее, её российского образца.

В свою очередь, праворадикальный экстремизм открывает своеобразный второй фронт, на который приходится расплываться властям. Активизацию необычного для России экстремизма, ассоциированного с движением белоленточников, основанного на синтезе маргинализированного протеста левацкого толка, радикального

либерализма и пытающихся влиться во всё это националистов, можно отметить в 2011-2012 гг., тогда эта политическая сила достаточно явно заявила о себе. К сожалению, несмотря на достаточно скудную финансовую базу, это аморфное политическое движение недооценивать не стоит. Если разбираться в его корнях, то феномен белоленточников, как политического игрока, появился благодаря расколу московского креативного класса, оппозиционно настроенного по отношению к В. В. Путину и его режиму. Увеличение числа жителей регионов, потерявших веру обещаниям режима, и повышенные социальные требования креативных жителей столицы слились в общий поток.

Комплексный, системный характер носят истоки напряженности экстремистского характера в Российской Федерации, в своём генезисе они не сводятся лишь к локальным причинам, которые обычно легко устранимы деятельностью правоохранительных органов [16, с. 199]. Из основных причин можно выделить следующие:

- повышение религиозной и локальной этнической идентичности малых и коренных народов РФ при слабости или полном отсутствии государственной идеологии в стране;
- расслоение российского социума по экономическому признаку до непримиримых позиций враждующих страт;
- дискредитация власти, в частности, политической элиты и госаппарата, клановость, падение профессионализма;
- формирование эрзац-культуры на фоне упадка русской духовности и культурного уровня, пропаганда посредством СМИ потребительства, деструктивных субкультур, сомнительных развлечений среди молодежи.

Пристального внимания заслуживает статистика, по данным которой наивысшая активность акций националистов, связанных с агрессией, происходит в наиболее крупных и развитых городах России: «Прижившимися центрами националистского насилия были и остаются Москва и область, здесь, последствием погрома 11 декабря 2010 года, более двух десятков погибших и более полутора сотен пострадавших за год, Ленинградская область с Петербургом – двое погибших, около полусотни раненых, Нижний Новгород – двое погибших, почти два десятка раненых» [4, с. 8].

Тревожным обстоятельством стало связанное с национализмом дело «приморских партизан», оно вызвало особо широкий общественный резонанс в 2010 году. Коррупционность, невыполнение служебного долга и существующего законодательства среди некоторых работников правоохранительной системы в последние годы стимулируют новые виды и формы протеста, особо взращивая ультраправые движения. Из истории «приморских партизан» можно сделать вывод:

- героизация вооруженных борцов с политическим режимом для российского общества вовсе не нонсенс, напротив, такие герои имеют довольно массовую поддержку;
- эффективность борьбы антитеррористических подразделений против местных жителей, знающих местность, обычаи и т.д., крайне мала;
- местное население стремится поддержать мятежников, хоть и часто в пассивной форме. Действуя в знакомой тайге, банда Ковтуна-Сухорады была неуязвима для правоохранителей, но стоило поменять место дислокации на Уссурийск, как они были опознаны и выданы соседями по дому [1, с. 112].

Анализируя характер российского политического процесса, можно с уверенностью констатировать, что со стороны внутренних и внешних акторов оппозиции используется комплекс информационно-пропагандистских мер, которые преследуют цель ослабить или уничтожить политический режим В. В. Путина. На Россию осуществляется давление в связи со стратегией за передел геэкономической, политической карты мира. Данные факторы обуславливают невозможность нивелирования давления со стороны этих акторов дипломатическим путём или методом тактических уступок. Технологию и методы, которые применяются геополитическим конкурентом, можно проследить на примере многих стран, формирование террористических групп и создание напряженности, связанной с экстремизмом, – одна из основных составных частей технологий для свержения правящего режима.

Только системное противодействие может оказаться на сегодняшний день эффективным, главная же опора должна идти на информационные технологии, а не на силовые структуры. Угрозам и вызовам современного мира возможно противостоять эффективно, лишь создав безопасность политических коммуникаций. Переход от пассивной модели к активной информационной защите государства и государственности Российской Федерации от внутренних и внешних угроз – вот одна из первоочередных задач на сегодня. Для реализации данной задачи автором рекомендуется следующее:

1) прежде всего, в сфере информационного противодействия внутривнутриполитическим и внешнеполитическим угрозам создать и организовать грамотную подготовку гражданских кадров (введение специальных курсов для гуманитарных факультетов, подготовка в области госслужбы, системной аналитики, направленная специализация по специальности «Политология» и т.д.);

2) оптимизация законодательной базы в сфере информационной безопасности, конкретно, – детализация новейших угроз в информационной сфере;

3) дальнейшее ускорение разработки теоретического базиса в сфере национальной идеологии Российской Федерации при помощи интенсификации деятельности и изучения в научных и исследовательских центрах с четкой постановкой задач и достижением конкретных результатов.

В условиях, когда в 90-е гг. XX в. сложился духовный и идеологический вакуум, практически невозможно продуктивно противодействовать новейшим методам и способам дезинтеграции существующей политической системы. В свою очередь, «Стратегия государственной национальной политики РФ», которую приняли в 2012 году, по факту поддерживает показавшую себя разрушительной систему мультикультурализма (вектор движения, когда Россия воспринимается как общность равновеликих народностей и народов, которые опираются

на свои локальные культурные и исторические паттерны, что в будущем может привести к конфедерализации РФ) вместо создания стратегии поддержания государствообразующего народа, на котором в большинстве своём держались и СССР, и Российская империя [2, с. 75].

Сегодня правящий режим столкнулся с целым комплексом проблем, вызванных политическим экстремизмом, оказывающих деструктивное и крайне разрушительное влияние на российскую государственность. В сложившихся условиях желательнее:

- 1) использовать превентивные меры против экстремистов по нескольким направлениям:
 - финансовому – прежде всего, необходимо уничтожить экономическую базу экстремистов, источники их финансирования за рубежом и внутри страны. Строго следить за финансированием извне неправительственных религиозных и молодежных организаций, проверять их деятельность не только посредством отчетностей, но и специальных комиссий;
 - образовательному – обучение профильных специалистов в области противодействия экстремизму посредством создания отдельных специальностей и систем подготовки для них;
 - организационному – проведение семинаров, «круглых столов», научно-практических конференций, конкурсов на тему создания материалов и произведений антиэкстремистского характера;
 - пропагандистскому – доведение до как можно большей теле-, радио-, интернет-аудитории информации о способах и методах вовлечения людей в экстремистские формирования, раскрывая деструктивные цели таких организаций;
 - аналитическому – изучение экстремизма как явления для дальнейшего развития способов противодействия посредством выпуска по данной тематике монографий, научных статей, книг, учебно-методических пособий;
- 2) начать преодолевать вековую боязнь нашей элиты по отношению к политически отобюрократизованному и идеологически сплоченному народу России, опереться на него в борьбе с негативными внешними и внутренними факторами, находя опору в российских мессианских и верноподданнических паттернах.

Список литературы

1. Антонов Р. Приморские партизаны. М.: Фонд РОД, 2011. 152 с.
2. Антонян Ю. М., Давитадзе М. Д. Этнорелигиозные конфликты: проблемы, решения. М.: Щит-М, 2004. 368 с.
3. Большой энциклопедический словарь. М. – СПб.: Норинт, 1997. 1434 с.
4. Верховский А. М., Кожевникова Г. В. и др. Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2010 году: сборник ежегодных докладов Информационно-аналитического центра «СОВА». М.: Центр «Сова», 2010. 124 с.
5. Власов В. И. Экстремизм: сущность, виды, профилактика: учеб.-метод. пособие. М.: Изд-во РАГС, 2003. 200 с.
6. Гетц Р. Н. Политический экстремизм: позиции видения в современной научной литературе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. 2. С. 43-47.
7. Дибиров А.-Н. З. Религиозно-политический экстремизм как идеология маргинальных слоев общества (на примере Республики Дагестан) // Третья международная научная конференция по проблемам безопасности и противодействия терроризму: мат-лы конф. МГУ им. М. В. Ломоносова (25-27 октября 2007 г.). М.: МЦНМО, 2008. С. 76-88.
8. Зотова З. М. Власть и общество: проблемы взаимодействия. М.: Омега-Л, 2001. 352 с.
9. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2008. 512 с.
10. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях / авт.-сост. В. О. Будницкий. Ростов н/Д: Феникс, 1996. 576 с.
11. Морозов И. Л. Политический экстремизм: особенности эволюции при переходе от индустриального общества к информационному: монография. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007. 458 с.
12. Мусин М., Эль Мюрид. Сирия, Ливия. Далее везде! Что будет завтра с нами. М.: Книжный мир, 2013. 240 с.
13. Национальная безопасность России глазами экспертов: аналитический доклад Института социологии РАН // Полис. Политические исследования. 2011. № 3. С. 8-23.
14. Политология: энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю. И. Аверьянов. М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. 431 с.
15. Рууд Ч. А., Степанов С. А. Фонтанка, 16: политический сыск при царях. М.: Мысль, 1993. 432 с.
16. Сериков А. В. Профилактика политического экстремизма молодежи // Социально-гуманитарные знания: научно-образовательное издание. М.: Наука, 2005. № 4. С. 198-207.

THE RUSSIAN POLITICAL EXTREMISM: TRENDS AND PREVENTIVE MEASURES

Kozlov Denis Sergeevich

*Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astaf'ev
dennnys@mail.ru*

The article analyzes the contemporary Russian radicalism and political extremism. The ruling political elite periodically carries out a series of measures to counter political extremism, but ideological vacuum, ill-conceived national policy and bloated bureaucracy reduce the effectiveness of these measures to the minimum. The author evaluates political extremism as a social and philosophical phenomenon in the modern political life of the country. Extremist manifestations are characterized as one of the manifestations of the general systemic crisis of the prevailing political model, which emerged during the pseudo-liberal reforms. The resolution of such a dangerous situation for the state is the spiritual and cultural recovery of having centuries-old history statist traditions of Russia.

Key words and phrases: political extremism; development trends; political regime; state policy; threat to security; power; ideology.